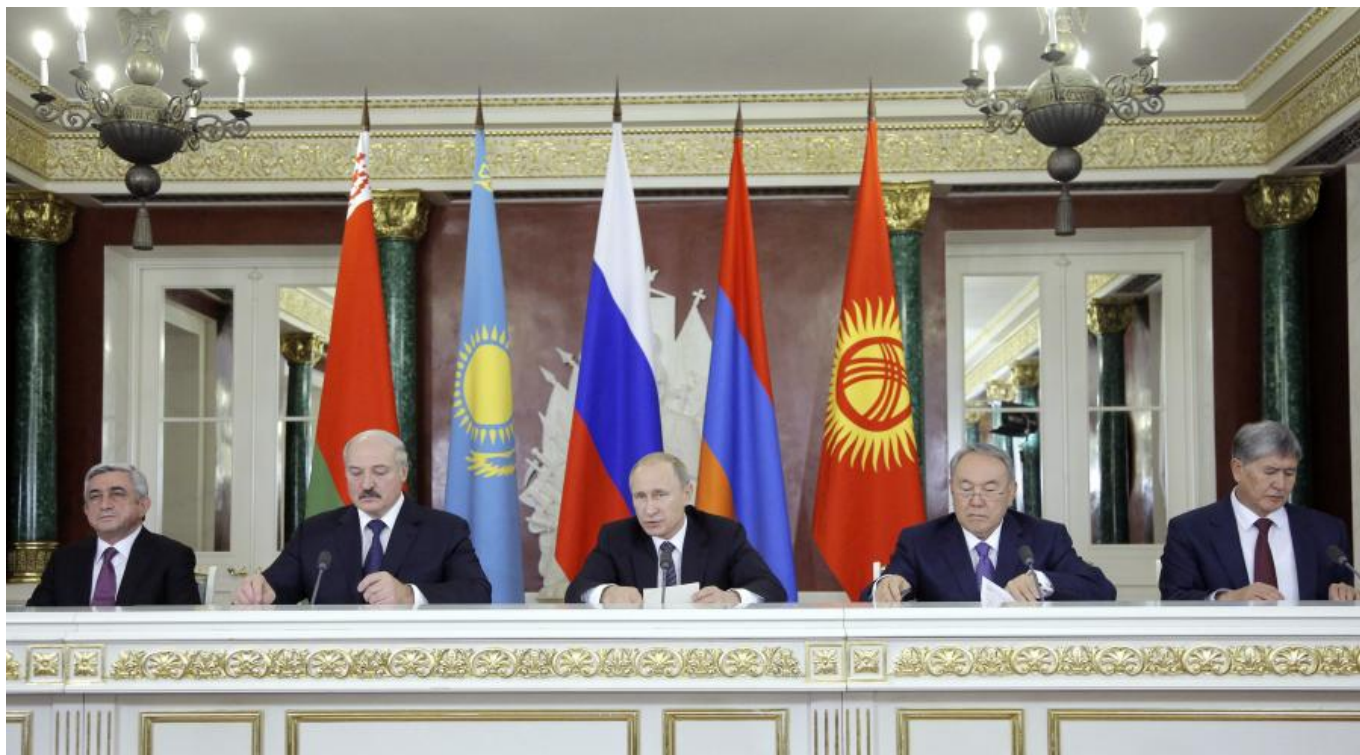

• Автор: [Антон Барбашин](#)

[Спасти «Евразийскую мечту»](#)

Евразийский Союз не похож на другие интеграционные объединения. Несмотря на все усилия представить евразийскую интеграцию как некое подобие европейской интеграции, объединившей Западную, Центральную и часть Восточной Европы, Евразийский Союз, скорее выглядит как «клуб Россия +». Россия составляет 80% населения, 84% территории и 84,3% ВВП ЕАЭС. Для сравнения: доля крупнейшей экономики ЕС – Германии – составляет 16,3% населения, 8,1% территории и 18,1% ВВП Европейского Союза. Для России евразийская интеграция – это в первую очередь политический проект, символизирующий главенствующую роль Москвы на постсоветском пространстве, а также доказательство способности Москвы предложить альтернативу «движению на Запад». Чтобы убедить своих главных союзников по интеграции – Казахстан и Беларусь – принять участие в заведомо неравном союзе, Москва обещала значительные экономические выгоды. Сегодня, очевидно, что большая часть обещаний Москвы была заведомо невыполнима.

Обещание первое: на географии можно заработать

Евразийский Союз географически почти полностью воплощает идею Хэлфорда Маккиндера о «Срединной земле» – Heartland'e – контроль за которой, [по мнению британского географа](#), сулил значительные геополитические преимущества и чуть ли не [контроль над всем миром](#). Идея была встречена с восторгом рядом российских философов и «геополитиков» и до сих пор будоражит умы современных евразийцев. Но при встрече с реальностью она разлетается в щепки. Как верно [подметил Владислав Иноземцев](#), к началу XXI века вполне очевидно, что Маккиндер был, мягко скажем, неправ – большие континентальные территории отнюдь не залог успеха, а чаще всего тяжкое бремя или, в лучшем

случае, большой вызов. Глобальная экономика успешнее развивается [вблизи океана](#), а транзитный потенциал Евразии на практике остается лишь [мечтами Якунина](#) и ему подобных.

Северный Морской Путь (СМП), на который еще в 2012 году российское руководство возлагало большие надежды, [обещая к 2020 году](#) перевезти 64 млн тонн, в 2015 году [обеспечил лишь 39 тысяч тонн грузоперевозок](#) (против 274 тысяч тонн в 2014 году и 1,18 млн тонн в 2013-ом). РЖД, еще недавно рапортовавшие о 7-кратном росте транзита контейнерных грузов с 2009 по 2014 год – до 131 тыс. TEU (*двадцатифутовый эквивалент — условная единица измерения вместимости грузовых транспортных средств*) – выглядят просто смешно, если сравнить их с мощностью [порта Шанхая](#) – 36,54 млн TEU оборота в год. То есть один только шанхайский порт в 300 раз превышает мощность крупнейшего российского перевозчика.

Китайский проект транзита из Поднебесной в Европу [пока обходит Россию стороной](#), и [нет уверенности](#) в том, что Россия все-таки способна запрыгнуть в последний вагон уходящего поезда. В рамках китайского Шелкового Пути успех отдельных стран ЕАЭС никак не конвертируется в успех других. Казахстан будет не менее счастлив вобрать в себя объемы транзита, которые могли бы пойти через Россию, но пойдут южнее – банально [по причине отсутствия](#) у России необходимой инфраструктуры.

Обещание второе: больше интеграции = больше торговли

И Минск, и Астана на протяжении последних шести лет постоянно заявляют об исключительно экономическом смысле интеграции, начатой в 2010 году в виде Таможенного Союза, а с 2015 года – Евразийского Экономического союза. Имея пример европейской интеграции под боком, все участники были уверены, что как только падут таможенные барьеры, квоты и ограничения, правила будут унифицированы, бизнес начнет активнее взаимодействовать и в итоге товарооборот между членами интеграции существенно вырастет, отыграв предыдущее падение. К примеру, доля стран СНГ в товарообороте России упала [с 41% в 1993 году](#) до 14,6% в 2010 году, а со странами, которые сегодня участвуют в евразийской интеграции, и того [до 7,8%](#).

Спустя шесть лет непрерывной работы, десятков встреч глав государств, сотен решений по либерализации торговли и тысяч рабочих постановлений, доля стран ЕАЭС в товарообороте России составляет те же [7,8%](#). Хотя будет несправедливо утверждать, что торговля осталась на том же уровне, что и шесть лет назад. По итогам 2015 года товарооборот России со странами ЕАЭС в реальном выражении упал на 16% по сравнению с доинтеграционным 2010 годом ([рассчитано по данным ТС РФ](#)).

Показательно, что доля товарооборота с ЕС, в отношении которого Россия ввела «продуктовое эмбарго», с 2010 года сократилась всего на 4,2% – [с 49% до 44,8%](#). А доля уж совсем «враждебных» для России Соединенных Штатов Америки выросла за шесть лет на 0,4% и в [мае 2016 года](#) составила 4,1%. Товарооборот России с США [сегодня на 35%](#) превышает торговлю с союзническим Казахстаном и в 15 раз больше торговли с Кыргызстаном. А торговля с «недружественной» Украиной [в 7 раз больше](#) торговли РФ с дружественной Арменией.

Эти данные лишь говорят о том, что заставить экономику принять политические или идеологические установки сложнее, чем того бы хотели «евразийские стратеги» из Кремля. Также эти данные лишь подтверждают тезис, что интеграционный потенциал стран участниц ЕАЭС [изначально был крайне ограничен](#). Экономики РФ и Казахстана слишком схожи (особенно по статьям экспорта), Беларусь и так была в экономическом смысле значительно интегрирована с РФ, а Армения с Кыргызстаном слишком малы, чтобы повлиять на общий процесс.

Единственная надежда выйти за пределы «клуба Россия+» была окончательно потеряна в феврале 2014 года, когда «вежливые люди» начали аннексию Крыма. Без Украины евразийская интеграция не способна достичь критической массы, после которой масштаб создает условия для экономического роста.

Обещание третье: с Россией в мир

В 2010 году Москва убедила и Минск, и Астану, что вместе с Россией будет проще говорить с крупными экономическими объединениями, добиваться выгодных условий и вообще получится «быстрее

интегрироваться в мир». Читай – лучше делегировать Москве право вести переговоры с ЕС, чем самостоятельно участвовать в Восточном Партнерстве и получить заведомо менее привлекательные условия.

Что могло предвещать беду в конце первого десятилетия XXI века? Российская экономика стабильно росла, от чего охотно питались все ее соседи, и даже кризис 2008 года казался вполне подконтрольным. Во главе государства стоял «почти западник» Медведев, постоянно заявлявший о необходимости углубления сотрудничества с ЕС и другими передовыми экономиками мира. Никто не мог представить себе, что события 2014 года возможны.

Для союзниц РФ маячила «интеграция интеграций» – экономический союз с ЕС, который бы удовлетворил все имеющиеся у Беларуси и Казахстана потребности на десятилетия вперед. Но Крым и война на Украине свели все эти надежды на нет.

Попытки России заговорить об «интеграции интеграций» сегодня крайне редко находят интерес у европейцев, чаще оставаясь предметом обсуждения [для исследователей](#). Но Москва не оставляет надежд. Вспомним хотя бы выступление Путина на [Генеральной Ассамблее ООН](#) или [предложение о диалоге Комиссии ЕАЭС](#) в 2015 году.

Вся надежда на Китай?

Внутренний кризис российской экономики, падение ВВП и отсутствие перспектив «выйти из изоляции» на Западе заставляют партнеров России по ЕАЭС – как и саму Россию – все чаще [обращать свои взоры на Китай](#).

Евразийские союзники РФ прекрасно понимают, что надежды на «отскок» нет, а потребности в инвестициях есть. Если Россия неспособна обеспечить эти потребности, а Запад закрыт, то остается только Китай. На деле Китай уже давно «часть евразийского пространства» и его роль по многим параметрам значительно превосходит российскую. К примеру, в Казахстане инвестиции КНР почти в [7 раз превышают инвестиции РФ](#).

[Начало переговоров](#) о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР – попытка институализировать давно складывающуюся практику взаимодействия Китая и стран-членов ЕАЭС, где Россия хочет, с одной стороны, получить необходимые средства для решения своих текущих вопросов, а с другой – «контролировать» взаимодействие Китая и своих союзниц. Москва откровенно демонстрирует и Китаю, и своим союзникам, что диалог [должен идти через Москву](#), чем вызывает откровенное недовольство, особенно в случае с Астаной. Но, по большому счету, у Москвы нет выбора: либо Россия договаривается о понятной форме сотрудничества ЕАЭС с КНР, либо ее союзники пойдут в обход Москвы напрямую в Пекин.

Вполне возможно, что стараясь создать «Большую Евразию», Россия вместе со своими партнерами по ЕАЭС попадет в «Большую Азию», становясь не только в риторике, но и на практике [«младшим братом» Китая](#). Пока же Китай способен «профинансировать» дальнейшее существование «евразийской мечты» России, срока годности которой вполне хватит на век сегодняшних глав государств стран ЕАЭС.

теги

[Eurasian Union](#)

[integration](#)

[geopolitics](#)

[China](#)

категории

[Russia / World](#)

Использование материалов интернет-издания "Intersection" путем их полного воспроизведения разрешается только с разрешения редакции Intersection - intersection@intersectionproject.eu